

В. И. КОРЕЦКИЙ

К ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ХЛОПКА (НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

Восстание Хлопка уже давно привлекло внимание историков. И. И. Смирнов характеризовал его как «движение очень большой силы», которое «таило в себе реальную угрозу для самых основ социального строя Русского государства».¹ Едва ли не основная трудность, встающая перед исследователями этого движения, заключается в крайней малочисленности сохранившихся источников. Поэтому ввод в научный оборот новых архивных материалов приобретает особое значение.

Решающему сражению под Москвой в сентябре 1603 г. правительственных войск с Хлопком предшествовали, как известно, в 1601—1603 гг. посылки дворян из столицы в различные районы страны против «разбойников». Сведения об этом сохранились в составе разрядных книг.² «Новый летописец» также говорит о том, что «царь же Борис ... посылалша многожда на них».³ Но чем руководствовались дворянские каратели, на кого опирались, какими силами располагали — на эти вопросы до сего времени историки не могли дать сколько-нибудь исчерпывающего ответа. Тексты царских наказов, врученных им, известны не были. Наконец, было неясно, все ли такие посылки оказались зафиксированными в дошедших до нас разрядных книгах или нет. Отсутствие упоминания в них о походе И. Ф. Басманова свидетельствовало как будто в пользу последнего предположения, но проверить его конкретными фактами не удавалось.

¹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951, стр. 77, 80.

² Там же, стр. 78—79; В. И. Корецкий. Из истории крестьянской войны в России начала XVII в. Вопр. истории, 1959, № 3, стр. 123, 126—128.

³ ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 58.

Теперь мы располагаем текстом одного из таких наказов Бориса Годунова по борьбе с «разбойниками» (см. стр. 219—222). Хранится он в Калининском областном архиве в списке XIX в., сделанном, по-видимому, с современного документа, расклеившегося по сствам, в результате чего отдельные листы перемешались. Переписчик и воспроизвел их в своей копии в той последовательности, в которой они попали ему в руки, не задумываясь о содержании переписываемого им материала. Нам удалось восстановить первичный текст. Хотя самое начало наказа утрачено (оно отсутствовало, очевидно, уже в момент снятия копии), основной текст его был воспроизведен переписчиком довольно точно, не считая путаницы в листах, что дает возможность значительно подробнее представить себе характер и размах предпринятых Борисом Годуновым мер по искоренению «разбоев», чем мы могли это сделать до сих пор.

Обнаруженный наказ был вручен Богдану Поликарповичу, посланному Борисом Годуновым на Белую и в Бельский уезд, «чтоб одноконечно разбой вывести». Поводом для этой посылки послужили поступившие в Москву сведения о действиях в тех местах «разбойников». «Ведомо государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии учинилося, что на Белой по дорогам разбой великие, проезжих людей разбойники разбивают и побивают до смерти, и проезду и проходу всяким людям нет, да и села и деревни многие на Белой езда разбойники разбивают и людей многих побивают до смерти».

Сравнение терминологии наказа с «Новым летописцем», где также употреблено выражение «разбой велики», как будто свидетельствует об официальном характере источников, положенных в основу помещенного в наказе рассказа о восстании Хлопка.

И. Масса сообщает в своих записках, что в сентябре 1603 г. «дороги в Польшу и Ливонию сделались весьма опасными» от восставших холопов и что именно сюда был послан из Москвы со стрельцами И. Ф. Басманов.⁴ Польский исследователь Ст. Хербст в своей рецензии на книгу И. И. Смирнова о восстании И. И. Болотникова склонен был даже отнести возникновение восстания Хлопка к этому району в связи с оживлением торговли после окончания польско-шведской войны 1600—1602 гг.⁵ Решающим фактором в усилении классовой борьбы в начале XVII в. явились не столько возобновившиеся торговые операции, сколько страшный голод 1601—1603 гг. В голодные годы господа, не желая кормить своих холопов, массами прогоняли их без отпускных,

⁴ Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 71.

⁵ Przegląd historyczny, t. XLIII, Warszawa, 1952, стр. 148; см. также: St. Herbst. Wojna Inflaska. 1600—1602. Rozprawy historyczne, Warszawa, 1938, стр. 179.

чтобы по миновании бедствия предъявить на них свои права. Обреченным на голодную смерть людям не оставалось ничего другого, как браться за оружие. Но указание на районы к западу от Москвы как место возможного возникновения восстания Хлопка заслуживает, конечно, внимания.

Сообщение И. Массы подтверждается фактами о посылках дворян в Можайск, Вязьму, Волок-Ламский и Ржев, находившиеся как раз на дорогах в Польшу и Прибалтику. Теперь к ним присоединяется новое известие о карательной экспедиции в район Белой, расположенный к польско-литовской границе и Ливонии еще ближе. Непокойно было и в Ливонии. Так, 4 декабря 1602 г. недалеко от ливонского городка Браслова «разбойники» напали на усадьбу, принадлежавшую дворянину Ротчеру Сульту, его убили, а имение разграбили.⁶ Ст. Хербст приводит факт выхода из подчинения холопов в соседних с Белой Великих Луках в июле 1606 г., когда на юге вспыхнуло восстание И. И. Болотникова.⁷

Все это характеризует западные окраины России, наряду с южными, как один из очагов классовой борьбы в начале XVII в.

Как видно из наказа, действия «разбойников» в районе Белой не ограничивались дорогами, а распространялись на сельские местности. «Разбойники» разбивали «села и деревни многие». Нам уже приходилось отмечать, что в обстановке голода нападением могли подвергаться и зажиточные крестьяне, обладатели хлебных запасов, скупщики, торговцы хлебом.⁸

Однако в первую очередь, как и в Ливонии, опасность грозила владениям духовных и светских феодалов. В 1601—1603 гг. удастся отметить «разбой» в вотчинах Болдино-Дорогобужского, Ново-Девичьего и Иосифо-Волоколамского монастырей.⁹ Направлялись «разбой» и против помещиков. В 1602 г. «от воровства» в Арзамасском уезде вынужден был покинуть свое поместье И. Романов.¹⁰ Другого арзамасского помещика, Безсона Литвинова, в 1603 г. «на дороге убили до смерти и живот де его поимали».¹¹ В 1616 г. помещик Андрей Тимофеев ссылался в своем челобитье на то, что «при царе Борисе... брата ево роднова убили в Ярославле Малом разбойники». И. И. Смирнов не сомневался в том, что А. Тимофеев под «разбойниками», убившими его

⁶ И. М. Болдаков. Сборник материалов по русской истории начала XVII в. СПб., 1896, стр. 49.

⁷ *Przegląd historyczny*, t. XLIII, стр. 149, примеч. 4.

⁸ В. И. Корецкий. Из истории крестьянской войны..., стр. 123, 134.

⁹ Там же, стр. 125—126.

¹⁰ С. Б. Веселовский. Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.). М., 1915, стр. 220.

¹¹ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, Арзамасский уезд, столбец 22390, лл. 85—87.

брата, имел в виду участников движения Хлопка.¹² Не являлся исключением в этом отношении и Бельский уезд. И здесь, как и в других местах, правительственной защите подлежали прежде всего жизнь и имущество представителей господствующего класса.

В царском наказе запечатлена целая система организационных и военных мероприятий, разработанная правительством Бориса Годунова в масштабе всей страны для искоренения «разбоев». Посылка Богдана Поликарповича на Белую и в Бельский уезд — одна из многих: «А по иным дорогам и городам разбоев сыскивати посланы дворяне ж, и им меж собою ссылатца...» Организующим центром в борьбе с «разбоями», как вытекает из наказа, являлся Разбойный приказ, куда посланные должны были регулярно сообщать об обстановке во вверенных им уездах: «А что у них учнет делатца, и им о всем писати к государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии почасту, чтоб государю про то вскоре ведомо было; а отписки велети отдавати в Разбойном приказе окольничему Ивану Михайловичу Бутурлину да дьяку Богдану Иванову». «Разбой», борьба с ним в центре внимания самого царя. Борис Годунов хочет знать, и как можно скорее, что же предпринимается в этом направлении. Руководство Разбойного приказа обязано постоянно докладывать ему о положении на местах.

В своих действиях государев посланник, как видно из наказа, опирался прежде всего на местных помещиков — детей боярских. Из них в основном состояли и те военные отряды, которые направлялись против разбойников. «А как он учнет стояти на Белой или в Белском уезде и скольким человеком с ним быти беляном детем боярским, и тому с ним послана роспись за дьячьего приписью. А куда Богдану лучше ехать для великого дела или послати для разбойников, и ему велеть с собою быти беляном детям боярским, сколько надобе, смотря по делу, а за посмех многих детей боярских не имати, чтоб в том детем боярским волокиты не было». Опираясь на детей боярских и используя их для борьбы с разбойниками, правительство Бориса Годунова предписывало посланнику чрезмерно не отягощать их и в то же время наблюдать за тем, чтобы они, в свою очередь, не чинили насилий над населением, не озлобляли его еще больше. «Да и над детьми боярскими беречи, чтоб не воровали ж и не норовили никому и посулов и кормов не имали и купили б корм по цене». В противном случае виновным грозила смертная казнь.

О комплектовании карательных отрядов из дворян и детей боярских говорится и в одной записи разрядных книг. Посланные Борисом Годуновым из Москвы 5 сентября 1601 г. в район Тулы Г. И. Вельяминов и Н. М. Пушкин во главе отрядов из дворян и

¹² И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 78, примеч. 2.

детей боярских должны были произвести обыски и «управу учинить», «а управу учиня... дворян и детей боярских по домом роспустить».¹³ Здесь мы имеем дело с изложением царского наказа, данного Г. И. Вельяминову и Н. М. Пушкину, к сожалению, очень кратким. Из текста же наказа Богдану Поликарповичу, посланному на Белую и в Бельский уезд, становится ясным, что в его распоряжение поступали и местные стрельцы: «А как он приедет на Белую и ему взяти с собою бельских стрельцов, сколько пригоже, смотря по тамошнему делу». «Государеву посланнику» подчинялись губные старосты, городовые приказчики, «розные приказные люди», а также пушкар и затинщик. В его руках, по существу, концентрировалась вся военная и административная власть в уезде. Он наделялся как бы особыми полномочиями.

Каждый уезд должен был быть расписан по станам и в черные, дворцовые и владельческие села и деревни направлены губные старосты, пушкар и затинщик, чтобы вызвать приказчиков — управителей имений, через которых правительство намеревалось повлиять на местное крестьянское население. Правительство Бориса Годунова понимало, что разгромить «разбойников» оно не может, не заручившись поддержкой местного населения, хотя бы в лице крестьянских выборных из «лучших людей». Поэтому предполагалось использовать их как в операциях против «разбойников», так и особенно в организации сыска. Не случайно в наказе Борис Годунов прибег к демагогическому жесту, включив в него слова о посылке дворян в уезды «жалующи крестьянства», т. е. представляя эту карательную акцию как общенародное дело. И все же правительство испытывало недоверие к крестьянам. У «разбойников» были укрепленные лагеря («станы»), откуда они совершали набеги. Посланному предписывалось разыскивать, где они находятся, и «собрався со многими людьми» нападать на них, разрушать «станы» и захватывать укрывшихся там «разбойшников». Борьба осложнялась тем, что «разбойники» пользовались поддержкой у части местного населения. Поэтому особое внимание при розыске обращалось на выяснение тех мест, где «разбойников приезд». Захваченные должны были подвергаться пыткам, их «жгли огнем», чтобы узнать сообщников, к которым они приезжали с награбленным и от которых, очевидно, получали продовольствие. Опасения правительства обнаруживаются и в конкретных предписаниях по порядку расследования убийств и грабежей: «А будет им в сыску скажут, под которыми деревнями людей побитых, или где они сами под чьими селы или деревнями людей побитых найдут, и им тех сел и деревень приказчиков и старост и целовальников и лутчих крестьян поимати и их про тех побитых людей распраши-

¹³ ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 589.

вати, разводя порознь: хто пмянем их побил, и сколь давно побиты, и они про тех побитых людей являли ли, и будет они про тех побитых людей не являли и им тех людей, под которыми селы и под деревнями побитых людей найдут, взяти человека по два и по три лутчих людей и пытать».

Следовательно, в случае «неявки об убитых» ответственность падала на крестьян близлежащих сел и деревень как на возможных соучастников или укрывателей «разбойников». Сохранившиеся от тех лет расследования об убийствах и грабежах показывают, что для такого взгляда имелись основания. 22 марта 1603 г. на Кострому к губным старостам Долмату Кафтыреву и Сарычу Шестакову было привезено тело убитого человека Чудова монастыря Федора Игнатьева сына Попова, которое губной целовальник Семейка Есипов подобрал на Вологодской дороге, а с ним «другой человек мертвой поднят, и того никто не знает». Ф. И. Попов, видимо, довольно часто проезжал здесь по монастырским поручениям или по собственным торговым делам — и его знали. Была составлена запись («привод») за приписью Сарыча Шестакова и указаны имена крестьян Игнатьевского Троицкого монастыря, взятых целовальником с собой в качестве понятых. После произведенного расследования выяснилось, что Федор Игнатьев сын Попов, едучи с Вологды, заночевал у крестьянина Куниковского погоста Маныки Фатеева и был убит у него. Соучастниками Маныки Фатеева явились крестьяне Веского погоста — всего 16 человек. Маныка Фатеев выступает здесь в роли лица, к которому «приезжают» «разбойники» — крестьяне соседнего погоста.¹⁴ В грамоте во Владимир к Андрею Игнатьевичу Волинскому от 30 декабря 1603 г. по челобитью крестьянина суздальского Покровского Девичья монастыря Кондратия Павлова с сыном на холопов и крестьян помещика Кlementия Сеченова в грабеже и побоях указано, что «грабежу де у них взяли лошадей и платья и денег на двадцать на три рубли и на двадцать алтын на две деньги». Кондратий Павлов, довольно зажиточный крестьянин, с сыном ехал на свадьбу в соседнюю деревню. Грамота предписывала перечисленных в челобитье холопов и крестьян взять «на поруку з записью» и обязать явиться на суд в Москву во Владимирский приказ к Василию Яковлевичу Волинскому и дьяку Третьяку Карпову.¹⁵ В 1603 г. в Арзамасе помещик Безсон Литвинов возбудил судное дело на маресьевскую мордву в «земляном насильстве» и «хлеба и людей своих и крестьян бою и грабежу». Вскоре «по той недружбе» он был убит и ограблен на дороге. Его мать, вдова Оносья Петрова жена Литвинова, возложила обвинения на маресьевскую мордву, с которой они находились в споре.

¹⁴ Архив Калининского обл. краеведческого музея, колл. 2 (Документальные материалы), оп. 3, папка 1, д. 1.

¹⁵ Описание актов собрания графа А. С. Уварова, ч. I. М., 1905, № 82.

Из Москвы были затребованы обыски. Дело велось в Нижегородской четверти у дьяка Петра Желябужского.¹⁶

Таким образом, во время голода происходили убийства и грабежи не только зажиточных крестьян, но и помещиков, причем основанием для нападений на последних могли служить предшествующие поземельные споры или какие-либо злоупотребления с их стороны. Правительство, столкнувшись с усилением в стране «разбоев» и грабежей, стремилось не оставлять без внимания ни одного такого случая, поручая расследования на местах губным старостам и городовым приказчикам, а в центре — территориальным приказам — четям — как высшим судебным инстанциям. Это касалось, так сказать, рядовых дел. Но главнейшие операции против «разбойников» — «великие дела», связанные с применением против них военной силы, — осуществлялись, судя по обнаруженному царскому наказу на Белую, непосредственно из Разбойного приказа, действовавшего в тесном контакте с Разрядом.¹⁷

При составлении наказа в Разбойном приказе были использованы предшествующие постановления Бориса Годунова и Боярской думы по борьбе с «разбоями». О каком-то «новом уложении» Бориса Годунова «о разбойных и татиных делах» упоминается в царских грамотах осенью 1601 г. В нем речь шла, в частности, о выборе губных целовальников, содержании тюремной администрации и т. п. Строительством тюрем правительство намеревалось осуществлять из казны. Мелким и средним помещикам предоставлялись некоторые льготы.¹⁸ Борис Годунов, очевидно, считал неразумным чересчур отягощать эти категории служилых людей, из числа которых формировались, как мы показали, военные отряды для «посылок» против «разбойников». Следы напряженной законодательной деятельности правительства Бориса Годунова, направленной на искоренение «разбоев», нашли отражение и в Уставной книге Разбойного приказа 1638 г. Здесь приведен «боярский приговор» о наказании «разбойников», данный в Разбойный приказ «при царе и великом князе Борисе Федоровиче всеа Руси». Особенно суровая кара предусматривалась для тех, кто совершил «убийства или пожар дворовой или хлебной». Им грозила смертная казнь, даже если они были всего на одном разбое.¹⁹ Современник-москвич нарисовал яркую картину реализации этого приговора, когда писал об убийствах и поджогах во время голода в Москве, где «много богатых дома грабили, и розбивали, и зажигали... и которые люди насиле творяху, и тех имяху казняще, ових жгли, а пных в воду сажали и всякими

¹⁶ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, Арзамасский уезд, столбец 22390, лл. 85—87.

¹⁷ 30 августа 1603 г. в Московском разряде сидели дьяки Леонтий Лодыженский и Санун Аврамов (ЦГАДА, ф. 210, Дополн. опись, Безгласный столбец 5, л. 39).

¹⁸ ЦГАДА, ф. ГКЭ, Владимирский уезд, № 1885.

¹⁹ ПРП, вып. V, стр. 191.

смертями кончали их».²⁰ Вероятно, на счет «разбойников» следует отнести и пожар в 1603 г. Стромынского Успенского монастыря, игумен которого «Мисаил з братьею» бил челом царю Борису Годунову о выдаче новой жалованной грамоты взамен сгоревшей «в те поры, как монастырь погорел во III-м году на Преплавленьев день».²¹ Поддержание порядка внутри столицы правительство возложило на объезжих голов из видных дворян, а вокруг нее в 1603 г. создало заставы. «Посылки» против «разбойников» в отдаленные уезды окончились безрезультатно; летом 1603 г. опасно стало на подступах к Москве.

Неспособности правительства Бориса Годунова справиться с «разбойниками» — так назывались в официальных документах восставшие холопы и крестьяне — воспользовались все, кто по каким-либо причинам был им недоволен. В Сибири Алей-царевич с войском в 1100 человек в июле—августе 1603 г. направился на Тюмень. Оттуда писали в Москву, что у них нет служилых людей для отражения нападения и просили прислать подкрепление.²²

Постоянные «задоры», «разбой» и «грабежи» происходили на литовской границе, несмотря на заключенное в 1602 г. с Польшей двадцатилетнее перемирие.

В Астрахани воеводы не могли своими силами справиться с казаками, которые грабили купцов на Волге, нападали на ногайские улусы. Посланные на них из Астрахани стрельцы были разбиты. Здесь происходило то же, что и в других районах государства, где, по словам «Нового летописца», «разбойники... противляхуся с посланными, и ничего им не можаху сотворити». В 1604 г. об этих неудачах в борьбе с «разбойниками» казаками в районе Астрахани рассказывал в Москве во время переговоров ногайский князь Иштерек, предупреждая правительство Бориса Годунова, что «только вперед на тех воров царские большие посылки не будет, — и им деи быть от них в великом разоренье».²³

В создавшейся летом 1603 г. тяжелой обстановке правительство Бориса Годунова издало указ от 16 августа 1603 г., стремясь расколоть лагерь восставших, и направило против приблизившихся к Москве отрядов Хлопка войско во главе с окольным И. Ф. Басмановым. В решающем сражении под Москвой восставшие холопы и крестьяне были разбиты; в этом сражении погиб и царский воевода.²⁴ Установив дату смерти И. Ф. Басманова, можно датировать тем самым и восстание Хлопка, датировка которого в «Новом летописце» отсутствует.

²⁰ А. Ф. Бычков. Описание сборников Публичной библиотеки, ч. I, СПб., 1882, стр. 468.

²¹ ЦГАДА, ф. ГКЭ, оп. 37, № 14977.

²² Там же, ф. Белокурова, д. 137, лл. 262, 277 и др.

²³ Н. В. Рождественский. Акты времени Лжедмитрия I (1603—1606 гг.). М., 1918, стр. 140.

²⁴ Согласно В. И. Татищеву, И. Ф. Басманов был послан против Хлопка «с полками», в сражении под Москвой «разбойников» «несколько тысяч

И. И. Смирнов отнесл восстание Хлопка к сентябрю 1603 г., признавая достоверность известия И. Массы о гибели тогда от рук «разбойников» окольного И. Ф. Басманова.²⁵ С. С. Лурье предложил датировать его 1604 г., основываясь на ошибочной дате, обнаруженной им в книге троцкого перомонаха Вихрова.²⁶ Мною была проделана специальная работа по установлению даты восстания Хлопка. Привлечение троцких синодиков показало, что в краткой редакции синодика И. Ф. Басманов записан под «112-м годом» (1603—1604 гг.) — сразу же за келарем Евстафием Головкиным, умершим, как удалось установить, 8 сентября 1603 г. В пространной редакции между Евстафием Головкиным и И. Ф. Басмановым помещена Екатерина, жена Истомы Осиповича Безобразова.²⁷ Однако предпочтение следует отдать краткой редакции, а не пространной, доверять которой склонен полемизировавший со мною С. С. Лурье.²⁸ Сомнения С. С. Лурье на этот счет разрешает запись в Троицкой вкладной книге 1673 г., где вклад по Екатерине Безобразовой ее мужа Истомы Осиповича Безобразова датирован не «112-м» (1603—1604 гг.), а предшествующим — «111-м» (1602—1603 г.): «111-го году Истома (Безобразов, — В. К.) же дал вкладу по жене своей Екатерине шубку суконную» и т. п.²⁹ И действительно, обращаясь к краткой редакции синодика, мы находим Екатерину Безобразову, записанную там под «111-м» (1602—1603 гг.). Отсюда можно заключить, что краткая редакция — первичная, а пространная — вторичная, составившаяся позднее, в которую вкрались ошибки.

Помещение И. Ф. Басманова в краткой редакции Троицкого синодика сразу же за Евстафием Головкиным, умершим 8 сентября 1603 г., привело нас к заключению о его смерти «вскоре после этого дня».³⁰ У И. Массы рассказ о восстании холопов и о походе И. Ф. Басманова помещен между сообщениями о приезде в Москву персидского посла Лачин-бека 4 сентября 1603 г. и о похоронах 27 сентября царицы Александры, сестры Бориса Годунова Ирины Федоровны.³¹

побито», «а Хлопка с неколикими поймаи и нажепен» (курсив мой, — В. К.). Однако проверить эти утверждения В. П. Татищева другими источниками не удается (ЦГАДА, ф. 199, Портфели Миллера, од. хр. 46, д. 7, л. 17).

²⁵ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 78—81.

²⁶ С. С. Лурье. К вопросу о восстании Хлопка. История СССР, 1958, № 4, стр. 131—132.

²⁷ В. И. Корецкий. Из истории крестьянской войны..., стр. 131.

²⁸ С. С. Лурье. О дате разгрома восстания Хлопка. Вopr. историн, 1963, № 11, стр. 211.

²⁹ ГВЛ, Троицкое собр., № 41, л. 28.

³⁰ В. И. Корецкий. Из истории крестьянской войны..., стр. 131.

³¹ И. Масс. Краткое известие о Московии в начале XVII в., стр. 71—72. — Персидский посол прибыл в Москву 28 августа 1603 г., а 4 сентября состоялся первый прием его у царя (ГВЛ, собр. Горского, № 16, лл. 635, 636).

Следовательно, вторая грань — то, что это событие произошло до 27 сентября 1603 г., — требовала дополнительного обоснования. Между тем, среди лиц, записанных в синодике под «112-м годом» после И. Ф. Басманова, оказалось возможным точно датировать только смерть окольного кн. Андрея Ивановича Хворостинина (умер 24 апреля 1604 г.). Заявление же 3 июля 1604 г. кабального холопа И. Ф. Басманова в Новгороде о том, что «Ивана (Басманова, — В. К.) деи убили разбойники», на которое обратила внимание Е. Н. Кушева,³² давало еще больший простор для отодвигания второй грани в глубь 1604 г. Стремясь уточнить дату смерти И. Ф. Басманова, я указал на факт отправки 17 сентября 1603 г. из Москвы «для разбойников» кн. М. М. Шаховского и кн. Б. А. Горятинского «на Резань», а Я. Я. Вельяминова и И. И. Волинского в Понск.³³ Посылать дворян из Москвы «для разбойников» на окраины тогда, когда отряды Хлопка угрожали столице, было неразумно. Следовательно, эта запись свидетельствует о том, что к 17 сентября с отрядами восставших под Москвой было уже покончено, а И. Ф. Басманова уже не было в живых. Обратив внимание на известие «Нового летописца» о повелении Бориса Годунова «погresti» И. Ф. Басманова в Троице-Сергиеве монастыре «честно», я указал, что это «предполагало по нравам того времени не только торжественные похороны, но и установление на будущее в монастыре кормов и поминаний об убитом на царской службе воеводе».³⁴ В одном из троицких синодиков корм в XVII в. по роду Басмановых приурочен к 9 сентября. Сопоставляя эти известия, я отнес и смерть И. Ф. Басманова к этому дню. Моя аргументация встретила возражения со стороны С. С. Лурье, который писал, что «ссылка В. И. Корецкого на „Новый летописец“, в котором указано „погresti“ И. Ф. Басманова „честно“, что, по мнению автора, означает устроить поминки по Басманову и установить корма, не является убедительной».³⁵ Между тем в дальнейшем мне удалось обнаружить запись, в которой прямо говорится о вкладе Бориса Годунова в Троице-Сергиев монастырь по И. Ф. Басманове: «112-го году сентября в 18 день по Иване Федоровиче Басманове пожаловал государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси денег 100 рублей».³⁶

Раз вклад Бориса Годунова был в сентябре 1603 г., то тогда же имя И. Ф. Басманова было записано в троицкие синодики и по нем установлены кормы. Эта запись полностью опровергает

³² Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI—начале XVII в. Истор. зап., т. 15, 1945, стр. 91.

³³ В. И. Корецкий. Из истории крестьянской войны..., стр. 132.

³⁴ Там же.

³⁵ С. С. Лурье. О дате разгрома восстания Хлопка, стр. 210.

³⁶ Архив АН СССР, Моск. отд., ф. 620, № 18, Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря 1673 г., копия С. Б. Веселовского, л. 167.

попытку С. С. Лурье датировать восстание Хлопка 1604 г. Достоверность известия И. Массы получила, наконец, полное подтверждение. Если в краткой редакции синодика И. Ф. Басманов помещен после Евстафия Головкина, который умер 8 сентября 1603 г., а Борис Годунов, согласно записи во вкладной книге, уже 18 сентября 1603 г. дал по нему вклад в Троице-Сергиев монастырь, то отсюда следует, что И. Ф. Басманов был убит в промежутке между 8 и 18 сентября 1603 г.

Новое известие заставляет в то же время осторожнее отнестись к дате 9 сентября 1603 г., предложенной мной вначале как день гибели И. Ф. Басманова в решающем сражении под Москвой. Она имеет некоторые основания, если предположить, что вклад Бориса Годунова по И. Ф. Басманове был совершен спустя несколько дней после его похорон.³⁷ Но если принять, что вклад был сделан в день похорон (чего исключать никак нельзя), то, учитывая обычную практику на Руси хоронить покойников на третий день после смерти,³⁸ следует смерть И. Ф. Басманова (а значит — и решающее сражение с восставшими) отнести к 15 сентября 1603 г. В этом случае стоит только поражаться оперативности правительства Бориса Годунова, сумевшего уже 17 сентября 1603 г. послать дворян против «разбойников» в Рязань и Пронск.

1601—1603 гг. Наказ Бориса Годунова по борьбе с «разбоями» на Белой и в Бельском уезде

...и до смерти людей побивают и откуды разбойники разбивать приезжают и к кому с разбоев приезжают о разбойную рухлядь привозят или где инде и в которых местах на тех дорогах разбойники станы стоят да где он про разбойников проведает или сыщет и Богдану собрався со многими людьми с приказчики и с старосты и с целовальники и с крестьяны государевых царевых и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси дворцовых сел и черных волостей и патриаршими и с митрополичими и со

³⁷ Возражению С. С. Лурье, основанное на том, что «измена Петра Басманова не помешала включению его имени в один синодик вместе с братом» (С. С. Лурье. О дате разгрома восстания Хлопка, стр. 210), неосновательно. По логике С. С. Лурье, Борис Годунов, делая в сентябре 1603 г. вклад по убитом И. Ф. Басманове, должен был предвидеть измену его брата Петра Басманова, совершенную позднее — в 1605 г. — и, кстати сказать, после смерти Годунова. Не находит подтверждения в источниках и предположение С. С. Лурье о внесении средств в Троице-Сергиев монастырь «на поминовение всех представителей рода Басмановых, перечисленных в синодике», «очевидно, кем-то из его родственников, после того, как род Басмановых пресекся» (там же). «Род Басмановых, — пишет С. С. Лурье, — угас в 1642 г.»; однако ни в 1642 г., ни позднее в троичной вкладной книге такого вклада обнаружить не удастся.

³⁸ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 327.

владычными и с монастырскими и з боярскими и со княженицкими и з дворянскими и с подъячими и детей боярских и с посадскими и со всякими людьми, чей кто ни буде, тех розбойников и всяких лихих людей сыскивати всякими сыски накрепко и их имати. Да ково розбойников и всяких лихих людей, х кому розбойникам приезды, где проведает и сыщет и ему тех людей в розбоих и в татбах пытать крепкими пытками и огнем жець. Да на кого они с пыток в розбоих и в татбах и в розбойничье приезде учнут говорити и ему тех оговоренных людей потому ж переимати, да тех оговоренных людей с теми людьми, которые на них учнут говорить, ставите с очей на очи и про них сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет те оговоренные люди по язычной молвке доведутца до пыток и ему тех оговоренных людей пытати ж крепко и огнем жець. Да и про то ему розбойников и оговоренных людей пытати накрепко и огнем жець: где они инде розбойников да и тех людей, х кому розбойники приезжают, ведают; да где розбойников и лихих людей х кому приезды розбойников, скажут и ему и там ездити и розбойников и лихих людей сыскивати всякими сыски и их имати и пытати крепкими пытками и огнем жець. А как он учнет стояти на Белой или в Белском уезде и скольким человеком с ним быти беляном детем боярским, и тому с ним послано роспись за дьячьєю приписью. А куда Богдану лучится ехать для великого дела или послати для розбойников, и ему велеть с собою быти беляном детем боярским, сколько надобе, смотря по делу, а за посмеих многих детей боярских не имати, чтобы в том детем боярским волокиты не было. А приехав Богдану на Белую, велети к себе быти губным старостам и приказничим городовым и всяким приказным людям, архимаритом, игуменом и протопопом и попом и дьяконом и посадничим старостам и целовальником и всем посадничим и из слабод всяким людям, а в Бельской уезд во все государя и царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси в дворцовые села и в черные волости и в патриаршие и в митрополичьи и во владычны и в монастырские и боярские и во все княженицкие и в дворянские и в дьячьи и детей боярских и всяких людей в села и деревни и во весь Бельский уезд, росписав по станам, розослати губных старост и всяких приказных людей и розыщников и пушкарей и затинщиков и велети государевых царевых и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси дворцовых сел и черных волостей приказщиком и патриаршим и митрополичим и владычным и монастырским и боярским и княженицким и дворянским и дьячим и детей боярских приказщиком ехать к себе тотчас да тем всем людям сказывати им: Ведомо государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Руси учинилося, что на Белой по дорогам разбои великие проезжих людей розбойники разбивают и побивают до смерти и проезду и проходу всяким людям нет да и села и деревни многие на Белой ездя розбойники разбивают и людей многих побивают до смерти. И государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси, жалючи крестьянства, послал про разбои сыскивати их, ево Богдана, а велел им про разбои сыскивати и они про розбойников и про лихих людей, х кому розбойником приезды, сказывали правду по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси крестному целованию: где по дорогам проезжих и прохожих людей или которые села и деревни розбойники разбивали и отколе приезжали и розбив, куды поехали х кому, где розбойником приезды или где розбойники станы стоят? А то им всяким людям говорити накрепко, чтобы они про розбойников да и про тех людей, х кому розбойником приезды, не таили сказывали б про розбойников да и про тех людей, х кому розбойником приезды, в правду по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси крестному целованию, а розбойников бы да и тех людей, х кому розбойником приезды, не таили никак ни которыми делы и не лгали б и по недружбе б ни на кого не лгали, а хто розбойников или лихою человека, х кому розбойником приезды, утаит [и] их имати и пытати ж крепкими пытками и огнем жець. Да на которых людей про разбои и про приезды

учнут розбойники говорити, и им тех людей имати ж и пытати крепкими пытками и огнем жець. А где на кого в иные города розбойники или же люди, х которым розбойником приезд, учнут говорити про розбой и про приезд и им в те города посылати и с приказными людьми и з губными старосты ссылатцы и тех розбойников и лихих людей, х которым розбойником приезд, сыскивати всякими сыски и их имати и велети к себе приводити, сковав крепко с великим береженьем, чтобы не ушли, и с теми людьми, которые на них говорят, ставити с очей на очи и их розпрашивать подлинно, да которые доведутца до пытки и тех пытати крепкими пытками и огнем жець и то все записывати подлинно, а с пыток розбойников и тех людей х кому розбойником приезд, давати держати дворяном и дотем боярским, а велети их держати крепко с великим береженьем, чтобы не ушел никто ни которыми делы, а с третьих пыток розбойников и лихих людей, х кому розбойником приезд, сажати в розбойные тюрьмы и целовальников и сторожей приставливати и губным старостам приказывати и самим дозировать накрепко, чтобы розбойники тюрем не подрезали и не подконали и ис тюрем не ушли никоторыми делы, тово им однолично беречь накрепко. А одноконечно ему, Богдану Поликарповичу, про розбой сыскивати великими сыски накрепко, да и самим проведывати всякими обычая накрепко и розбойников и всяких лихих людей, х кому розбойники приезжают, имати и пытати крепкими пытками и огнем жець, чтоб одноконечно розбой вывести, чтоб розбойники не розбивали и приезде б розбойником отнюд не было ни х кому никоторыми делы. А сыскивая розбойников и всяких оговорных людей, сажати им [тех людей] в крепкие тюрьмы до государева царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси указу, да о том им писати к государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Руси подлинно и сыски присылати за своими руками, запечатав; да ково именем розбойников и оговоренных людей переимают и им тех людей дворы их и животы переписав, запечатати и приказати беречь тутошним и сторонним людем с порукою до государева царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси указу, а без государева царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси указу к Москве им не ехати. А промеж дорог им для розбойников в сыску стояти утаясь и про розбойников и про всяких лихих людей проведовати всякими сыски накрепко, чтоб однолично по тем дорогам розбойников переимати; а будет им в сыску скажут, под которыми деревнями людей побитых, или где они сами под чьими селы или деревнями людей побитых найдут и им тех сел и деревень приказщиков и старост и целовальников и лутчих крестьян поймати и их про тех побитых людей розпрашивать, разводя порознь: хто имиенем их побил и, сколь давно побиты, и они про тех побитых людей являли ли, и будет они про тех побитых людей не являли и им тех людей, под которыми селы и под деревнями побитых людей найдут, взяти человека по два или по три лутчих людей и их пытати и розбойников сыскивати и имати и пытати и огнем жець, да и тех людей х кому розбойником приезд, потому ж сыскивати и имати и пытати и огнем жець, чтобы одноконечно розбой вывести, чтобы розбойники не розбивали нигде никак никоторыми делы. А что у них учнет делатца, и им о всем писати к государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Руси почасту, чтоб государю про то вскоре ведомо было; а отписки велети отдавати в Розбойном приказе околичему Ивану Михайловичу Бутурлину да дьяку Богдану Иванову. А для государева царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси дела велети им быти с собою губным старостам и приказщиком городовым и всяким приказным людем и розыщником и пушкарем и затищником и целовальником, а для писма имати земских и церковных дьячков; а однолично им про розбой сыскивати и проведывати накрепко всякими сыски и розбойников и тех людей, х кому розбойников приезд, сыскивати и имати и пытати крепкими пытками и огнем жець, а пущим ноги ломати, а не норовити им в том ничкому никак никоторыми делы и посулов и помин-

ков не имати. Да и над детьми боярскими беречи, чтобы не воровали ж и не поровили никому и посулов и кормов не имали и купили б корм по цене, а поноровит хто кому или посул возмет и Богдану от государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Роуси быти каженным смертию. А по иным дорогам и по городам розбоев сыскивати посланы дворяня ж, и им меж собою ссылатца и розбойников и лихих людей х кому розбойником приезд, сыскивати всякими сыски накрепко и имати и пытати и делати о всем по сему государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси наказу и смотря по тамошнему делу, а для сыску розбойново дела велети им с собою быти белским губным старостам Семену Кашиинцову да Богдану Ленину, а как он приедет на Белую и ему взяти с собою Белских стрельцов сколько человек пригоже смотря по тамошнему делу, а о подводах говорити ему государевых царевых и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси дворцовых сел старостам и целовалником и крестьяном, чтоб они под тех стрельцов давали подводы, а от государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси к тем дворцовым крестьяном писано. Назад по склейкам: Дьяк Богдан Иванов.³⁹

³⁹ ГАКО, ф. 103, оп. 1, д. 2204, лл. 1—6.